

Культура

ЕКАТЕРИНА БЕЛЫХ

Иван из Гамбурга

Танцовщик Гамбургского балета Иван Урбан не собирался в Москву, но случился форс-мажор в Большом театре, где его шеф Джон Ноймайер ставил «Сон в летнюю ночь». В муках рождающаяся премьера (маэстро неоднократно порывался ее отложить) в последний момент чуть было окончательно не сорвалась: заболели все исполнители партии Лизандра. И тогда по зову Ноймайера явился Урбан, на счастье Большого, не занятый в рождественских «Щелкунчиках»

Светлана НАБОРЩИКОВА

Ноймайер выделил уроженца белорусского Гомеля в 1994 году, сразу после окончания школы Гамбургского балета. Спустя три года назначил его солистом, еще через год перевел в высшую категорию principal dancer, что соответствует нашему премьеру. Сегодня в послужном списке Урбана 52 балета, в том числе две главные партии в «Сне...». В октябре в Гамбурге он танцевал аристократа Тезея-Оберона, а в Москве с блеском переквалифицировался в остроумного и легкононого садовника Лизандра. Его абсолютная сценическая естественность и свобода, привычные в Гамбурге, в Большом выглядели откровением, с чем обозреватель «РК» поздравила Ивана.

— Ваш герой стал событием московского сезона. Один мой коллега написал, что не помнит ничего подобного со времен Владимира Васильева.

— Это лестно. Тем более что Васильевым, его потрясающим обаянием и эмоциональностью я восхищаюсь. Он мой любимый танцовщик. Я видел его в «Анюте» с Максимовой больше десяти лет назад, и, кажется, это был один его из последних спектаклей. Очень жалею, что не удалось посмотреть живую его «Жизель», «Дон Кихота» и «Спартак». Но я учусь у него по видео, так же как у Нуреева и Барышникова.

— У Нуреева и Барышникова, вы, кажется, учились не только танцу, но и умению прокладывать путь на Запад. Я говорю об истории вашего появления в Гамбурге.

— Есть что-то похожее, но судебных дел на меня не заводили и от гэбистов я не бегал. Время было уже другое — постсоветское, 1992 год. Я учился в Минском хореографическом училище и на последнем курсе

поехал в Швейцарию, на ученический конкурс «Приз Лозанны». Выступил довольно успешно, вышел в полуфинал, что давало право на стажировку в западной школе. Я выбрал школу Гамбургского балета и сообщил об этом нашим начальникам. Меня тут же посадили в самолет и отправили домой, чтобы про этот ужасный Гамбург я и не вспоминал. И все-таки я туда отправился — позже, через Москву, предварительно получив российское гражданство. Анна (Поликарпова — прима-балерина Гамбургского балета и жена Урбана. — С.Н.) попала к Ноймайеру в это же время и с меньшей нервотрепкой. Правда, когда она уходила из Маринского театра, ей сказали, что назад дороги нет, хотя она уже исполняла там главные партии. Но театр, слава Богу, еще не вся Россия, и в этом отношении мы были в лучшем положении, чем наши предшественники. Мы знали, что имеем право вернуться, а они, уезжая, понимали, что никакого возвращения быть не может.

ЕКАТЕРИНА БЕЛЫХ

— Вы помните балет, в котором впервые станцевали с будущей женой?

— Это была «Золушка» в хореографии Ноймайера. Заболел партнер Анны, и Джон заменил его мной, только что окончившим школу. Спектакль мы репетировали в авральном режиме — за десять дней. С тех пор мы много танцуем вместе и не только роли влюбленных. В «Нижинском», например, где я — Дягилев, она меня ненавидит, поскольку танцует Ромолу. В «Чайке» и «Одиссее» мы — сын и мать, у которых тоже непростые отношения.

— Ноймайер говорит, что любит все свои балеты, как отец любит всех без исключения детей...

— У меня в отличие от Джона есть любимые дети. Это роли, сделанные им для меня: Эрос в Bernstein Dances, сольные партии в «Зимнем пути», «Мессии», «Венгерских танцах». Последняя в афише так и называется: «Для Ивана». Костя Треплев в «Чайке» — также мой персонаж. В «Одиссее» Ноймайер отдал мне Телемаха. У Гомера этот герой не главный, но в балете он действует наравне с отцом, который непрерывно воюет. Он ищет Одиссея, следует за ним по пятам, держа в руках фотографию из газеты, но что-то постоянно случается, и они разминаются буквально на чуть-

воспоминание, нечто вроде лейттемы его жизни.

— Мысль ясна, если знать историю Русских сезонов. Но человеку несведущему трудно разобратся в интриге, по крайней мере с первого раза.

— И со второго, может быть, тоже. Чтобы действительно понимать балет Джона, его нужно смотреть как минимум раз пять или получить соответствующее пояснение. Поэтому наша компания организует мастерские для зрителей, и не только в Гамбурге. Например, в Гонконге Джон провел мастерскую непосредственно перед премьерой и так и назвал ее: «Приближаясь к Нижинскому». О танцовщиках, приступая к постановке, он тоже позаботился: выстроил наш гастрольный сезон таким образом, чтобы мы могли посетить места, связанные с Нижинским, в том числе церковь Сан-Микаэле в Буэнос-Айресе, где венчались Вацлав и Ромола, театр «Колон», где он в последний раз выступал с антрепризой Дягилева, и гостиницу в Сан-Морице, в Швейцарии, когда он в последний раз вышел к публике с тем самым танцем на кресте. Все это, конечно, помогло вникнуть в тему.

— Ваше мнение о спектакле и персонаже имеет значение?

— Джон всегда прислушивается к мнению артиста, но оно заключается не в том, что ты имеешь право крушить текст по своему усмотрению. Моя свобода — это свобода интерпретации, которую он позволяет танцовщикам. Движения те же самые, но чувства могут измениться, поскольку день ото дня, от спектакля к спектаклю меняюсь я сам. Я имею право реагировать на роль так, как считаю нужным именно в этот период, возможно, в конкретный вечер. Завтра, наверное, в мою жизнь войдет что-то новое, и герой будет другим. После спектакля Джон может сказать, что я где-то недотянул или какой-то нюанс показался ему лишним, но я знаю, что всегда имею право на собственное отношение к персонажу, и для Джона это также важно, как для меня.

— Вы долго работаете в Гамбургском балете. Не устали танцевать Ноймайера?

— Я люблю балеты Джона, но мы заняты не только ими. У нас сбалансированная афиша, что редко встречается в авторских компаниях, и Ноймайер идет на это сознательно. Мы танцуем сочинения Матса Эка, Начо Дуато, Кристофера Уилдона. В этом сезоне представим Аштона и молодых хореографов, еще неизвестных широкой публике. Кроме того, в дополнение к неоклассическому и современному балету есть классика, например, сравнительно свежая «Баядерка» в постановке Наталии Макаровой. Для меня классический репертуар — отличная практика, позволяющая поддерживать высокий уровень физической формы. Джон это хорошо понимает, когда базирует свои большие балеты на классических комбинациях.

— Вам исполнилось тридцать. Вы уже задумывались о том, что будет после танцев?

— Здесь не стоит долго думать. На самом деле у меня небольшой выбор. Если ты в течение 20 лет работал в одной области, причем очень специфической, трудно резко поменять род занятий. Тем более в возрасте, который больше располагает к совершенствованию уже приобретенных знаний, чем к постижению кардинально новых. Я в этом плане не исключение, так что мое будущее после окончания танцевальной карьеры представляется довольно определенным: либо я буду преподавать, либо ставить балеты.

Ноймайер (персонаж)

25.01.05